

Мамычев Алексей Юрьевич

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
Россия. Владивосток

Нормативно-ценностные и правокультурные аспекты трансформации современной государственно-властной организации в России¹

Рассматриваются нормативно-ценностные установки и правокультурные тенденции развития современной российской политико-правовой организации, анализируются универсальные (общемировые) и социокультурные принципы трансформации системы государственной власти в постсоветской России.

Ключевые слова и словосочетания: власть, государство, демократия, политическое мышление, правосознание, процессы, риски, эволюция.

Современные процессы трансформации в российском государственно-правовом пространстве, с нашей точки зрения, *во-первых*, имеют нелинейный, сложный и неоднозначный характер, поэтому в контексте оптимизации системы государственной власти действенны варианты совмещения (конвергенции) модернизационных и консервативных стратегий в государственной политике и технологиях публичного управления; *во-вторых*, развиваются в контексте определенной социокультурной среды и, соответственно, имеют свою специфику и «локальные» (этнополитические) особенности развития.

В целом трансформационные процессы в постсоветской политико-правовой организации традиционно носят конвергенционный характер. Так, в современной российской политической и правовой системе устойчиво проявляются: демократические институты, формы политического плюрализма в соседстве с авторитарными установками политического сознания; проекты реставрации старых порядков с тягой к системному обновлению; административно-командные формы принятия политически значимых решений с инновационными технологиями и способами взаимодействия (на-

---

¹ Статья написана при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ №12-33-01274 а2 «Национальные и провинциальные закономерности развития российской государственной власти: правокультурный анализ».

пример, основанных на интерактивных демократических технологиях взаимодействия и управления, гражданского контроля).

Данный конвергенционный характер присущ также взаимодействию российской власти и общества, поскольку, с одной стороны, признается важность и необходимость гражданских организаций и движений в развитии национального публично-властного пространства, а с другой – взаимодействие власти и общественных институций основывается на прежних, идейно-политических установках и авторитарно-контрольных процедурах. В этнонациональном аспекте конвергенционный характер трансформации российской государственной власти связан с доминированием как общенациональных (федеральных) тенденций, так и локальных, региональных, этнических. При этом в политическом ландшафте конвергируются общие, социокультурные тренды трансформации государственно-правового процесса с этнонациональными и провинциальными факторами и устойчивыми доминантами публично-властного взаимодействия.

В силу этого следует признать, что сегодня наблюдается незавершенность социально-правовых и политических реформ государственной власти. Обновление отечественной системы институтов и структур власти по справедливому замечанию О.В. Мартышина должно опираться на «вариант культурно-политического и правового синтеза, который сочетал бы национальные и европейские традиции, сильную власть, социальную справедливость («государство правды») и свободу личности, плюрализм, правовое государство» [2]. В целом эти заключения достаточно обоснованы и выражают действующие устойчивые тенденции развития российской государственно-правовой организации.

Во-первых, это стремление к духовно-нравственному обоснованию государственной власти, социально-нравственной (идеократической) ответственности властно-управленческой элиты. Так, социально-политические исследования фиксируют, что в современном российском обществе доминирует не персонцентричная модель легитимации государственной власти и харизматическая практика наделения лидера государства высокими духовно-нравственными атрибутами, а, напротив, присутствует потребность в формировании морально-правовой системы ответственности публичной власти и реализующих ее лиц.

Политико-психологические исследования, проведенные группой исследователей под руководством Е.Б. Шестопала, выявили высокую степень тревожности людей, обусловленную, прежде всего, духовно-нравственным несовершенством действующей системы государственной власти и ее представителей. Эти тревоги «связаны не столько с экономическими проблемами, хотя те и лежат на поверхности, сколько с ощущением отчужденности

власти от общества, ее несправедливостью и своекорыстием, отсутствием моральных опор. Данное «гуманитарное измерение», связанное с ценностями, настроениями и моральным климатом, очень слабо проработано у модернизаторов». Эти основания системы государственной власти слабо проработаны и у современных консерваторов, о чем будет сказано позже, поскольку и действующая консервативная идейно-концептуальная платформа «не придает этим ценностям большого значения» [6].

Во-вторых, это требование интегрировать западноевропейские достижения в области прав и свобод человека, некоторые демократические ценности с социокультурной моделью политической организации и традиционными (исторически сложившимися) практиками публично-властного взаимодействия в системе личность – общество – государство. Так, целая серия социологических исследований фиксирует, что для отечественного политического сознания характерен «органичный сплав» национального традиционного мировоззрения и модернизационных ценностей, современных демократических требований к государственной власти и ее деятельности [4].

В этих исследованиях фиксируется, что государственная власть воспринимается сегодня гражданами «новой России» в качестве «инструмента реализации интересов общности в целом (причем устойчиво в российском политическом сознании и практике приоритет отдается интересам общности, всего народа, социально-культурной целостности, а не интересам отдельной личности – А.М.), гаранта обеспечения возможности ее существования и развития (такое представление воспроизводится, как отмечалось выше, на всех этапах развития российской государственности как устойчивый социально-политический архетип – А.М.), дав возможность каждому заявить о своих правах и по возможности учтя интересы индивидов и отдельных групп населения, в своей практической деятельности оно (государство – А.М.) должно руководствоваться, прежде всего, интересами общности как единого целого, как, впрочем, и любой человек или население целых регионов и крупные социальные группы. Для россиян не те или иные группы индивидов должны в борьбе друг с другом уметь отстаивать свои интересы, а государство как выразитель общих интересов должно, принимая во внимание интересы различных субъектов, на базе общественного консенсуса проводить политику, направленную на благо народа как единой общности» [5].

В соответствии с этим, по нашему мнению, формирование идейно-концептуальной доктрины развития системы государственной власти должно реализовываться как на основе консервативно-политического моделирования, так и с учетом глобальных (межцивилизационных) тенденций развития [3]. Дело в том, что современные критерии и индикаторы устойчивости и стабильности государственной власти в глобальном демократическом тран-

зите становятся весьма рискогенными и конфликтогенными, поскольку «диктатура экономоцентризма» (т.е. основные показатели стабильности государства) связывается с развитием рыночных институтов и отношений, потребительского мировоззрения, устойчивого спроса и т.п., а не с качеством межличностных отношений, целостностью общественных систем и проч. Тотальность процессов политической стандартизации и государственно-правовой унификации на основе неолиберально-демократической парадигмы вызывает повсеместные системные деформации и цивилизационную конфликтогенность. Иначе говоря, действующие параметры и индикаторы устойчивого развития государственности в глобализирующемся мире, представляемые в качестве универсальных и общечеловеческих, исторически себя не оправдали.

Поэтому идейно-концептуальная доктрина развития публичных институтов власти должна интегрировать как действующие международно-правовые требования и политические стандарты, так и традиционные ценности и принципы воспроизводства социально-политической целостности и устойчивости российского общества. Прав в этом плане У. Бек, отмечая, что при формировании будущей устойчивой модели государственно-правового развития «следует заниматься вопросом: как цивилизации, не принадлежащие Западу, по-иному, чем он, планируют и представляют себе свои особые сочетания культуры, капитала и национального государства, а не предполагать, что они являются недоразвитыми вариантами некоего западного первообраза» [1]. Исследователь верно отмечает, что «политэкономическим мифом» XX в. была идея, согласно которой рыночные механизмы и капиталистическая система в целом «перемелют» любую традиционную культуру, сформируют новое мировоззрение и адаптируют традиции и обычаи взаимодействия между людьми к требованиям экономической системы. Однако сегодня евразийские и восточные государственно-правовые системы, наоборот, «перемальвают» западную политэкономическую систему и адаптируют рыночные отношения под требования своей цивилизации.

В-третьих, это «тяга» на уровне массового политического мышления и правосознания к восстановлению сильной государственности и соответственно силы государственной власти. Причем конкретно-историческое проявление государственной силы имеет морально-правовой тип обоснования, в котором вертикаль ценностно-нормативной иерархии выстраивается от духовных, абсолютных истин и доминант к социальным. Законотворческая, правоприменительная и судебная деятельность государственной власти обрамляется нравственным содержанием и духовным долгом. Сильными в массовом восприятии являются политические формы и правовые средства, которые опосредуют взаимодействие личности, общества и государства и

основываются на духовно-нравственном служении и правообязанности, а формально-нормативный аспект общественного порядка трактуется в качестве вторичного, инструментального.

Для современного массового политико-правового мышления, как показывают социологические данные, «особое значение имеет такая ценность, как «сильное государство». В литературе по авторитаризму она нередко интерпретируется как один из наиболее явных показателей авторитарности. Анализ наших данных показывает, что этот индикатор следует трактовать более осторожно», поскольку он связывается не с авторитарным началом государственной власти, а с морально-нравственным. Поэтому «неоправданно отождествление коммуитаристских традиций нашей политической культуры с собственно авторитаризмом». Ратуя за усиление государственной власти, общество, прежде всего, предъявляет «серьезный запрос на морально-политические ценности и, в частности, на идеи социальной справедливости», а также идеократической обусловленности властно-правовой деятельности, обеспечение и реализацию высоких духовно-нравственных (деонтологических) стандартов деятельности тех или иных должностных лиц [6].

Поэтому в отечественной политической и правовой мысли на протяжении всей истории реальное либо мнимое ослабление государства интерпретируется доктринальным, профессиональным и массовым политическим сознанием в качестве негативной тенденции, инициирующей деструктивные и конфликтогенные факторы и события, аномические политические процессы, инволюцию правовой культуры и нигилизм. При этом кардинальное реформирование публично-правовых институтов власти традиционно приводит в России к ослаблению государства и развитию функциональных искажений и деформаций в системе государственной власти.

Сегодня вопрос о «демократии» тождествен вопросу о том, что проблематизируется в современном политико-правовом мышлении, а значит, определяет универсалии в его развитии, формы рациональности и параметры истинного знания. В практическом плане этот вопрос завязан на определенный круг исторических событий и конкретных политико-правовых процессов, определяющих современное функционирование конкретных государств, неправительственных институтов и организаций, международного порядка в целом. Следовательно, в качестве устойчивой национальной тенденции можно выделить потребность в усилении институционально-правовой и социально-политической активности государства, в укреплении стабильности его властно-иерархической структуры, которые связываются с восстановлением порядка и контроля над территорией и обеспечением национальной

безопасности, а в качестве доминирующего вектора развития российского властно-правового пространства – институционализацию в конкретно-исторических условиях сильной демократической государственности, идеократически обусловленной и стремящейся к установлению баланса между национальными интересами, потребностями (личности – общества – государства) и общемировыми достижениями.

Заметим также, что доминантой современного стиля демократического политического мышления становится не внутреннее содержание жизнедеятельности человека и общества, а его формальная структурированность и господство абстрактных идеологических «клише» (формального равенства, свободы, справедливости, выборности, толерантности и проч.). При этом данная стратегия развития политического процесса формирует рискогенную и нестабильную социальную среду, где политическая устойчивость связывается не с гармоничным взаимодействием духовно-нравственных, идеократических и иных ценностно-нормативных систем, а с формально-организованным и абстрактным началом во властно-правовом взаимодействии.

В этом плане следует критически оценивать стремление в современной государственной политике к поиску универсальных формально-нормативных и институционально-управленческих (бюрократических) моделей обеспечения стабильности в постоянно меняющемся мире, поскольку такой подход формирует принципиально «новую политическую реальность», в которой доминирует не стабильность, а постоянный реальный и виртуальный кризис, действует система актуальных или латентных рисков.

Следует также заключить, что в настоящее время нестабильность (как значимый политический концепт) становится новой доминантой государственно-правового процесса, а рискогенность – новым направлением в модернизации политических технологий управления. Однако, на наш взгляд, доминантой современного демократического политического процесса и государственного управления должны стать комплексные (интегративные) и более эффективные формы и методы взаимодействия общества и государства, которые учитывали бы как социокультурную среду реализации демократических принципов и процедур, так и глобальные (общемировые) тенденции. Так, «правовое государство» (как доктринальная стратегия развития политического процесса) должно отражать типологическое своеобразие и социокультурную особенность, прежде всего, таких социальных феноменов, как государство и право, созданных и органично развивающихся в рамках известного общества, его социокультурного и политического уклада, где конкретно-исторический институт государства институционально оформляется и разви-

вается именно на этом фундаменте, представляя свой особый, хотя, может быть, типологически и сходный с другими цивилизационными континуумами, вид правового государства по форме и, что более важно, по содержанию, отражая уникальность политического бытия общества, его цели, задачи и потребности.

-
1. Бек У. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономия / У. Бек. - М., 2007. - С. 448.
  2. Мартышин О.В. О некоторых особенностях российской правовой и политической культуры / О.В. Мартышин // Государство и право. - 2003. - № 10. - С. 30.
  3. Обретение будущего: повестка дня 2012. - М., 2011.
  4. Общественное мнение – 2008: ежегодник. - М., 2008.
  5. Тихонова Н.Е. Россияне: нормативная модель взаимоотношений общества, личности и государства / Н.Е. Тихонова // Общественные науки и современность. - 2005. - № 6. - С. 39.
  6. Шестопал Е.Б. Политическая повестка дня российской власти и ее восприятие гражданами / Е.Б. Шестопал // Политические исследования. - 2011. - № 2. - С. 22 – 23.